

Наньчжи, естественно, не осмелилась сказать, что Великая вдовствующая императрица велела ему выпить лекарство и сразу же отправиться к ней. В этот момент она благоразумно удалилась вместе с подчинёнными.

Как только Наньчжи ушла, Дуань Юньшэнь сразу же повернул лицо Цзин Шо к себе и закричал:

— Выплюнь, выплюнь, выплюнь это!!

Цзин Шо: ?

Дуань Юньшэнь:

— Лекарство! Выплюнь лекарство!!

Цзин Шо сжал лапу Дуань Юньшэня:

— Поздно.

С того момента, как его обманом заставили выпить первую чашу лекарства, было уже поздно.

Дуань Юньшэнь:

— Не поздно!!

Цзин Шо на мгновение замер, а затем мягко произнёс:

— Да, не поздно.

Дуань Юньшэнь чуть не полез руками, пытаясь разжать рот тирана, чтобы вытащить лекарство и вызвать рвоту.

Цзин Шо, наблюдая за тем, как Дуань Юньшэнь мечется, спросил:

— Любимая наложница больше не сердится?

На что мне сердиться?!!

Цзин Шо взял руку Дуань Юньшэня и намекающе сжал.

... Вспомнил.

Но разве это сейчас главное??

Дуань Юньшэнь был в отчаянии, но Цзин Шо явно был на другой волне, спокойно спросив:

— Любимая наложница хочет стать императрицей?

Императрица — это что-то съедобное?!

Разве это важнее, чем то, чтобы ты сейчас выплюнул яд?!

Пожалуйста, выплюнь! Если тебя примут за беременного, я стану отцом твоего ребёнка!

Дуань Юньшэнь чуть не схватил Цзин Шо за плечи и не стал трясти, спрашивая, не слышит ли

он в голове звук моря.

Вопрос: сколько лет дадут, если перевернуть главного злодея этой истории, тирана, вверх ногами и попытаться вызвать у него рвоту? Срочно, жду ответа.

... Да чего ждать! Дело жизни и смерти, действуй!

Дуань Юньшэнь, набравшись смелости, уже собирался схватить тирана и вызвать у него рвоту, но не успел, как тот схватил его лапу.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо:

— Я спрашиваю любимую наложницу, почему она молчит?

Дуань Юньшэнь:

— Ваше Величество, вы специально?

Цзин Шо небрежно произнёс:

— Ммм?

Дуань Юньшэнь не верил, что Цзин Шо не знал, что только что выпитое лекарство было ядом. Он выпил его залпом, а когда его уговаривали выплюнуть, начал уклоняться от ответа.

Если сказать, что он не специально, Дуань Юньшэнь сам бы не поверил.

Но если он специально, то зачем?

В этот момент Дуань Юньшэнь очень хотел проанализировать психологическое состояние Цзин Шо, но, увы, его способностей не хватало. Он мог лишь вспомнить, что раньше, когда Цзин Шо пил подобные лекарства, он никогда не колебался — хотя в тех случаях, с которыми сталкивался сам Дуань Юньшэнь, он делал всё возможное, чтобы помешать.

Ещё минуту назад мечущийся Дуань Юньшэнь теперь нахмурился и замолчал, просто глядя на Цзин Шо.

Смотрю, смотрю, пока сам не заговоришь!

Цзин Шо оставался невозмутимым.

Дуань Юньшэнь: ...

Дуань Юньшэнь, конечно, не обладал таким мастерством, как Цзин Шо. К тому же его взгляд был совершенно безобидным, так что через некоторое время он сам сдался и решил перейти к прямому разговору.

Но прежде чем он успел заговорить, Цзин Шо, словно предугадав, что он хочет сказать, произнёс:

— Любимая наложница, может, сначала ответишь на мой вопрос?

Дуань Юньшэнь: ???

Дуань Юньшэнь на мгновение задумался, прежде чем понял, что Цзин Шо говорил о том, хочет ли он стать императрицей.

Дуань Юньшэнь:

— Ваше Величество собирается взять новую наложницу?

Даже Цзин Шо на мгновение замер, явно не понимая, как Дуань Юньшэнь вдруг заговорил о «взятии новой наложницы».

Дуань Юньшэнь подумал, что в гареме тирана, кроме него, были только старшие родственницы. Среди равных по статусу не было ни соперничества, ни конкуренции.

Так что, если не планируется расширение, зачем вдруг повышать его до императрицы? Если в отделе всего один человек, какая разница, будет он заместителем или начальником?

Приблизительно можно сделать вывод, что тиран собирается расширить гарем.

Ну да, братец вроде здоров, так что заводить гарем — это нормально.

Такие странные мысли могли возникнуть только у Дуань Юньшэня с его запутанным мышлением. В голове у тирана, представителя феодального класса, конечно, были другие представления. Разница между императрицей и наложницами — это как разница между женой и наложницей, быть женой и быть наложницей — это не одно и то же.

Даже если место главной жены свободно, наложница всё равно находится в подчинённом положении, так что стать женой — это хорошо.

Итак, как и следовало ожидать, их волны снова разошлись.

Цзин Шо:

— Любимая наложница хочет, чтобы я взял новую наложницу?

Дуань Юньшэнь: ???

... погоди, как это я хочу, чтобы ты взял новую наложницу? Я не хочу, нет!

Цзин Шо спокойно произнёс:

— Я целыми днями нахожусь рядом с тобой, ты устала от меня?

Дуань Юньшэнь: ...

Так любовь исчезает, да? — Дуань Юньшэнь мысленно добавил, ведь без этой фразы контекст был бы неполным!

Что с этим тираном, я невиновен!

Почему мы никогда не понимаем друг друга? Это что, искажение человеческой природы или деградация морали?!

Дуань Юньшэнь, улыбаясь, старался быть послушным:

— Как я могу устать от Вашего Величества?

Цзин Шо спокойно сказал:

— Разве ты не была недовольна мной с самого утра?

Дуань Юньшэнь: ??

Утром Дуань Юньшэнь притворился спящим и не хотел вставать, а проснувшись, был полон негодования, каждая клеточка его тела кричала: «Верните моего безопасного лиса!»

— Если подумать, сегодня утром Дуань Юньшэнь действительно был недоволен Цзин Шо.

Дуань Юньшэнь не находил слов.

Проиграл, действительно проиграл.

Когда-то я думал, что вырастил совершенно безопасного лиса, каждую ночь приносил ему еду через окно, считал своей обязанностью кормить его, надеясь, что он будет хорошо сотрудничать со мной в работе по продлению жизни, желая, чтобы он каждый день целовал меня, просто лёгкие поцелуи.

Но теперь этот лис, он не только начинает постепенно не удовлетворяться лёгкими поцелуями, но и я вдруг обнаружил, что он вооружён, совсем не безопасен — и это ещё не всё, он ещё и осмеливается переворачивать всё с ног на голову и хныкать!

Дуань Юньшэнь смотрел на Цзин Шо — хотя в этот момент его лицо было спокойным, он выглядел безмятежным, красивым, как картина, в его спокойствии сквозила мягкость, и никаких следов «хныканья» не было видно, но Дуань Юньшэнь чувствовал, что слышит закадровый голос.

Ведь он задал вопрос: «Ты устала от меня?»

Именно эта аура, не царская... нет, царственная, если бы кто-то другой произнёс эту фразу, она бы звучала как «хныканье».

Дуань Юньшэнь с трудом произнёс:

— Я не была недовольна Вашим Величеством.

— Я просто была шокирована тем, что твоё оружие всё ещё живо.

Цзин Шо спокойно сказал:

— Правда?

За этими двумя словами скрывалось — правда? Не верю.

Дуань Юньшэнь: ...

Не веришь? Ну и ладно, у меня есть характер!!

Я уговаривала тебя не пить лекарство, а ты пил!

Ты спросил, хочу ли я стать императрицей, как это превратилось в то, что я устала от тебя?
Если ты хочешь взять новую наложницу, это ты устал от меня?!

Скажи! Кого ты хочешь взять? Это та самая белая луна? Это тот самый лис по фамилии Хэ??!

... Почему совпадает даже раса? Лис на лиса.

Какая грустная история!

Цзин Шо всегда так незаметно подшучивал над людьми, он прекрасно видел, был ли Дуань Юньшэнь сегодня утром смущён или раздражён.

Теперь, видя, что Дуань Юньшэнь вот-вот взорвётся, он понял, что пора остановиться.

Цзин Шо наклонился и слегка коснулся губами губ Дуань Юньшэня.

Дуань Юньшэнь: ...

Только что она злилась, как рыба-шар, а после прикосновения вдруг почувствовала... что злость ушла, она больше не может надуваться.

Ладно, ладно, это мой лис, домашний.

Цзин Шо:

— Так хочешь ли ты стать императрицей?

Дуань Юньшэнь:

— Так кого ты хочешь взять? Молодого господина Хэ?

Цзин Шо: ?

Дуань Юньшэнь: ??

Цзин Шо, конечно, был умнее Дуань Юньшэня, в его голове мелькнула мысль о том маленьком евнухе, который раньше служил его любимой наложнице.

Сяо Гоуцзы как-то сказал Дуань Юньшэню, что Хэ Цзюэ — это белая луна Цзин Шо, и в тот момент Цзин Шо сидел на крыше.

Цзин Шо:

— Любимая наложница хочет, чтобы я взял его в наложницы?

Дуань Юньшэнь: ...

Почему ты снова задаёшь вопрос?

Конечно, не хочу, если у тебя появится белая луна, как я буду выполнять свою миссию по продлению жизни? Кроме того, я только вчера решила сделать тебя своим домашним лисом, а ты сегодня уже собираешься искать кого-то другого? Какая неловкость!

Цзин Шо:

— Любимая наложница?

Дуань Юньшэнь:

— ... Если скажу — не хочу, это подействует?

Дуань Юньшэнь: ...

Ты на меня смотришь?

Цзин Шо:

— Подействует.

Дуань Юньшэнь сразу же обрела уверенность:

— Тогда не хочу.

После того как они долго крутили одну и ту же тему, никто не мог понять, как разговор зашёл так далеко, и Цзин Шо в третий раз задал вопрос, хочет ли Дуань Юньшэнь стать императрицей.

[Авторские примечания, комментарии или пусто]

<http://bllate.org/book/16211/1455795>